

И. А. БЕНЕДИКТОВ

О Сталине и Хрущеве

<Фрагменты>

<...> — Позвольте теперь, Иван Александрович, перейти несколько в другую сферу. Вы были наркомом и министром сельского хозяйства при Сталине и Хрущеве. Нельзя ли сравнить их подход к важнейшей отрасли экономики?

— Хрущев слыл в Политбюро специалистом по сельскому хозяйству. И это в значительной мере соответствовало действительности. Никита Сергеевич довольно-таки неплохо разбирался в вопросах сельского хозяйства, особенно земледелия, приближаясь по запасу знаний и компетентности к уровню хорошего агронома. Сталин здесь ему явно уступал, чего, впрочем, и не скрывал, обращаясь за советом в тех случаях, когда обсуждались проблемы отрасли.

Однако, как это ни парадоксально, возглавив страну, Хрущев совершил несравненно больше ошибок и просчетов в области сельского хозяйства. Увлекаясь какой-либо, обычно здравой в своей основе идеей, Никита Сергеевич буквально загорался стремлением как можно быстрее воплотить ее в жизнь, спешил, шел напролом, теряя всякое представление о реальной действительности. В результате некоторые его действия имели губительные, просто катастрофические последствия, чего Сталин никогда бы не допустил...

Думаю, корень всего — в отношении к специалистам: ученым, агрономам, компетентным в области сельского хозяйства людям.

Сталин, ставивший на первое место интересы дела, принимал решения, как правило, выслушав мнения наиболее авторитетных специалистов, включая противоречащие точке зрения, к которой склонялся он сам. Если «диссиденты» выступали аргументированно и убедительно, Сталин обычно либо изменял свою позицию, либо вносил в нее существенные коррективы, хотя, правда, были и случаи, когда с его стороны проявлялось неоправданное упрямство. Хрущев, действия которого со временем все больше

определялись личными амбициями, относился к специалистам, особенно «инакомыслящим», иначе. В моду стали входить те, кто умел послушно поддакивать, вовремя предугадать и «научно обосновать» уже сложившееся мнение Первого, которое он не менял даже вопреки очевидным фактам. С легкой руки Никиты Сергеевича в сельском хозяйстве, да и других отраслях с невиданной быстротой стали размножаться руководящие и научные кадры типа «чего изволите», затирая тех, кто привык думать собственной головой и отстаивать свою точку зрения до конца.

— *Ваша оценка противоречит широко распространенному представлению о том, что при всех своих сумасбродствах Хрущев был демократичней, гуманней и терпимей к чужому мнению, чем Сталин...*

— Глубоко ошибочное представление. Видимость часто принимают за сущность — в этом-то и вся заковыка. В случае с Хрущевым это тем более сложно, что с ним за годы пребывания на посту №1 произошли разительные метаморфозы.

Я хорошо знал Никиту Сергеевича как в довоенные, так и в первые послевоенные годы. Это был сильный, динамичный и чрезвычайно работоспособный руководитель. Большой природный ум с крестьянской хитрецей и сметкой, инициативность, находчивость, врожденные демократизм и простота, умение расположить к себе самых разных людей — все эти качества заслуженно позволили Хрущеву занять высокие посты в партии, войти в Политбюро. В те годы он действительно был демократом, считался с чужим мнением, относился к людям по-настоящему уважительно. Впрочем, таков был общий настрой, определявшийся Сталиным и его окружением, и Никита Сергеевич, как умный человек, старался «идти в ногу».

Сделавшись Первым и укрепив свою власть отстранением «антипартийной» группы, Хрущев буквально на глазах начал меняться, Природный демократизм стал уступать место авторитарным замашкам, уважение к чужому мнению — гонениям на инакомыслящих, в число которых сразу же попадали те, кто не высказывал должного энтузиазма по поводу «новаторских» идей «выдающегося марксиста-ленинца».

По правде говоря, я не сразу уловил эти изменения и продолжал на Политбюро, ответственных совещаниях унаследованную со сталинских времен привычку говорить то, что думаешь и считаешь правильным, приятно или неприятно это «вождю». Хрущев вначале реагировал на это спокойно. Постепенно, однако, в его отношении ко мне стала ощущаться какая-то отчужденность, а за-

тем и открытая враждебность. Наиболее ощутимо я почувствовал ее, когда выступил против неумного, мягко говоря, предложения Никиты Сергеевича перевести Сельскохозяйственную академию из Москвы в деревенскую местность¹. Раскручивавшаяся в то время кампания «ближе к производству» приводила к несуразностям, нарушавшим нормальное управление многими отраслями народного хозяйства.

«Послушай, Иван, не лезь ты на рожон, — сказал мне близкий друг, работавший в аппарате Хрущева. — Не такой он демократ, как кажется на первый взгляд. Убедить все равно не сможешь, а вот портфель потерять — вполне». Совету этому я не внял и вскоре действительно расстался с руководящими постами в народном хозяйстве, получил назначение послом в Индию...

Впрочем, и на дипломатической должности я не изменил своей привычке «лезть на рожон», иными словами, предпринимать казавшиеся мне нужными шаги, которые, однако, могли вызвать недовольство руководства. Так, действуя на свой страх и риск, я организовал, наверное, впервые в нашей советской истории покупку крупного участка земли за рубежом, в Дели, под территорию посольства СССР. Сегодня стоимость земли в индийской столице возросла в десятки раз, и мы экономим за счет этого большие валютные средства. Но в то время на подобные операции смотрели косо, под идеологическим прицелом — приобретение земельной собственности, мол, «чуждый социализму метод» и более приличествует «буржуазному рантье», чем коммунисту. С большим скрипом, используя свои давние связи в Госплане и Министерстве финансов, сумел добиться выделения необходимых средств. Вот тогда-то, на собственном примере ощутил возросший на высших этажах бюрократизм и механическое равнение на Первого, стремление уйти от личной ответственности, застраховаться максимальным количеством подписей и виз. «Новый» стиль управления давал себя знать — плохое намного быстрее распространяется, чем хорошее, а склонность к перестраховке, перекладыванию ответственности на чужие плечи в аппарате была всегда.

Возвращаясь к вашему вопросу, хочу еще раз повторить: именно Хрущев начал избавляться от людей, способных твердо и до конца отстаивать свои взгляды. Многие сталинские наркомы, привыкшие говорить в лицо самую горькую правду, постепенно уходили со своих постов. А те, кто оставался, превращались, за редким исключением, в умных царедворцев, прекрасно сознававших всю пагубность хрущевских «начинаний», но считавшихся со сложившейся расстановкой сил и тем, кто ее в конечном счете определял... Хрущев был прав, когда в октябре 1964 года, выслушав упреки

в «авантюризме» и «прожектерстве», обвинил своих соратников в том, что они своим соглашательством и молчанием способствовали всему этому. Он, правда, забыл, что сам поощрял подобный стиль поведения, который постепенно стал преобладающим. Ведь именно Никита Сергеевич навсегда убрал из «большой политики» деятелей так называемой «антипартийной группы» во главе с Молотовым, осмелившихся высказывать собственное мнение о деятельности Первого секретаря ЦК, остро критиковавших его недостатки и упущения...

— Допускаю, что Хрущев был более авторитарен, чем принято полагать, но поверить в то, что Сталин в большей степени считался с чужим мнением, самостоятельностью людей, трудно.

<...>...Возьмите выступление Сталина на последнем в его жизни Пленуме ЦК партии, где, сославшись на возраст и здоровье, он официально попросил освобождения хотя бы от некоторых высших постов². Одновременно Сталин подверг резкой критике двух своих ближайших соратников — В. М. Молотова и А. И. Микояна, которых многие прочили в его преемники, именно за то, что они якобы не обладали достаточной твердостью и самостоятельностью. Этот упрек, особенно в отношении В. М. Молотова, мне и сейчас кажется несправедливым. Но сталинский подход весьма показателен. И здесь отнюдь не было «скрытой игры», «византийской хитрости», о чем так любят посудачить западные «кремленологи» и «советологи» — с их работами я достаточно познакомился, находясь за рубежом. Дело в том, что Сталин вскоре достойного, с его точки зрения, преемника, по крайней мере, на один из высших постов, подобрал. Я имею в виду Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, бывшего первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии, который во время войны возглавлял штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Обладая твердым и самостоятельным характером, Пантелеймон Кондратьевич одновременно был коллективистом и демократом до мозга костей, умел располагать к себе, организовывать дружную работу широкого круга людей. Сталин, видимо, учитывал и то, что Пономаренко не входил в его ближайшее окружение, имел собственную позицию и никогда не старался переложить ответственность на чужие плечи.

Документ о назначении П. К. Пономаренко Председателем Совета Министров СССР был завизирован уже несколькими членами Политбюро, и только смерть Сталина помешала выполнению его воли. Став Первым секретарем ЦК, Хрущев, который, естественно, был в курсе всего, предпринял необходимые шаги с тем, чтобы

отодвинуть Пономаренко подальше — сначала в Казахстан, затем, в 1955 году, на дипломатическую работу, послом в Польшу, а потом в Нидерланды. Впрочем, и здесь он работал недолго — опасного «конкурента» быстренько препроводили на пенсию, весьма скромную и без причитавшихся ему льгот за государственную службу. Человек простой, скромный и непритязательный в личной жизни, обремененный заботами о родных и близких, он в буквальном смысле влачил полунищенское существование, когда наконец после отставки Хрущева друзья, обратившись в ЦК, добились достойного обеспечения его старости.

Я специально остановился на этой истории, чтобы предупредить ваши возможные вопросы о «гуманности» и «человеколюбии» Хрущева на фоне «жестокости» и «деспотичного» Сталина. Да, Сталин бывал крут, подчас неоправданно, иногда жесток. Но при нем люди, совершившие определенные просчеты и пониженные за это в должности, могли снова пойти вверх, как это случилось с Г. К. Жуковым, С. К. Тимошенко, Л. З. Мехлисом, некоторыми наркомками. Да и меня временно понижали в должности, делали замом, затем снова назначали наркомом. При Хрущеве же вышедшие из доверия Первого шли только вниз и никогда уже не поднимались. При его преемниках тоже... Почему? Да потому, что Сталин не хотел ломать людей, давал им шанс исправить ошибки, понимая, что умелых руководителей не так-то просто найти. Хрущев же думал только об укреплении своей власти, опасался того, что обиженные им люди, вновь оказавшись на высоких постах, могут представить этой власти потенциальную угрозу...

— А как же все-таки с разоблачением культа личности? Многие считают, что, пойдя на это, Хрущев проявил и политическую смелость, и гуманность, по крайней мере, по отношению к невинно пострадавшим людям.

— Не вижу особой, тем более политической смелости в том, чтобы воевать с мертвыми, делать их козлом отпущения за ошибки прошлого и, конечно же, недостатки настоящего. Обычно такой «смелостью» блещут те, кто при «живом начальстве» ел его глазами, вел себя, как говорится, тише воды, ниже травы. Уже потом, когда становится безопасно, они компенсируют свое малодушие и трусость «смелыми» проклятиями в адрес «тирана» и «деспота».

Среди высшего руководства Хрущев, пожалуй, больше всех заискивал перед Сталиным, боязнь которого принимала у Никиты Сергеевича болезненные, подчас анекдотичные формы, что, естественно, не способствовало повышению его авторитета в глазах Первого, и без того недолюбливавшего, как он говорил

в раздражении, «Никиту». Хрущев, думаю, понимал это, но ничего не мог с собой сделать — есть вещи, неподвластные нашей воле. На заседаниях Политбюро, ответственных совещаниях, где мне довелось присутствовать, Никита Сергеевич в отличие, например, от Молотова или Жданова, возражавших, иногда довольно резко, Сталину, не то что сказать против, пикнуть не смел.

Что касается «гуманности», то она к истинным причинам разоблачения культа личности отношения не имеет, хотя, конечно, выпив и расчувствовавшись, Хрущев и мог пустить искреннюю слезу по поводу душераздирающего рассказа о страданиях в сталинских лагерях — при всей своей черствости по отношению к людям он был человеком эмоциональным, а кое в чем и сентиментальным. Вообще-то версия о «гуманности» его намерений была на руку Никите Сергеевичу, и он делал все, чтобы на этот крючок клюнуло как можно больше легковверных, благо проглотить его, а точнее, сделать вид, что поверили, и у нас в стране, и за рубежом их более чем достаточно.

Может быть, вам и неизвестно, но я еще не забыл, что в 30-е и 40-е годы Хрущев водил прочную дружбу с Л. М. Кагановичем, «железным наркомом», занимавшим в Политбюро самые жесткие, непримиримые позиции по отношению к «врагам народа». В тесном контакте с Кагановичем Хрущев сначала в Москве в предвоенные годы, а затем на Украине в послевоенные весьма, пожалуй, даже чересчур решительно очищал партийные организации от «переродившихся» и «вредительских элементов». В ходе чисток пострадало немало честных людей, что вызвало недовольство Сталина и послужило одной из причин утраты доверия его к Кагановичу. Хрущеву же удалось реабилитировать себя беспорными успехами восстановления разрушенных войной сельского хозяйства и промышленности Украины.

Помню, как в это время я позвонил Никите Сергеевичу, бывшему тогда первым секретарем Компартии республики, в Киев, попросил тщательней разобраться с группой ответственных работников сельского хозяйства, исключенных из партии, как я был убежден, необоснованно, — некоторых из них я знал очень хорошо. Хрущев, внимательно меня выслушав, обещал переговорить с Кагановичем, который был послан Политбюро на Украину, чтобы помочь ему организовать дело. Никита Сергеевич дал понять, что вопрос будет, видимо, решен положительно, и просил меня «не поднимать шуму в Центре, что может только осложнить ситуацию». Не знаю, разговаривал ли он с Кагановичем или нет, только людям это не помогло.

Вообще, я обратил внимание на весьма странную вещь. Когда говорят о Сталине, все его действия обычно объясняют борьбой

за власть, когда же речь заходит о Хрущеве, его акции приписывают исключительно благородным мотивам — «гуманности», «демократизации», «состраданию» и тому подобному. Не знаю, чего тут больше: наивности или сознательного самообольщения. Хрущев, как и Сталин, был политиком. И его действия определялись вполне прозаическими, политическими интересами, весьма далекими от возвышенных морально-нравственных категорий...

— Хотелось бы конкретно знать, что вы имеете в виду. И попутно, чем объясняете тот бесспорный факт, что разоблачения культа личности, массовых репрессий 30-х и 40-х годов вызвали такой широкий положительный резонанс?

— Главной пружиной действий Хрущева была борьба за власть, за монопольное положение в партийном и государственном аппаратах, чего он в конце концов и добился, совместив два высших поста — Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Но вначале положение Никиты Сергеевича было сложным. Хотя он и был первым по партийной линии, большинство в Политбюро составляли отнюдь не его сторонники, скорее наоборот. Молотов, Маленков, Каганович, Ворошилов, другие видные партийные и государственные деятели из бывшего сталинского окружения были отнюдь не высокого мнения о Хрущеве, рассматривали его как компромиссную фигуру, калифа на час, что он, конечно, хорошо понимал. В государственном и партийном аппаратах на местах также оставалось немало прошедших сталинскую школу людей, весьма скептически оценивавших хрущевское «новаторство». Надо было ослабить и сломить эту «оппозицию», представить своих политических противников в неприглядном свете, осуществить массивную обработку общественного сознания в антисталинском духе. Я имею в виду подготовку необходимой почвы для мелкобуржуазного, авантюристического прожектерства, шедшего вразрез со строгим, научным реализмом марксистско-ленинского подхода. Кампания по развенчанию Сталина и реабилитации жертв его «репрессий» идеально подходила для этих целей, тем более что часть реабилитированных получала посты в партийном и государственном аппарате, становясь, естественно, опорой Хрущева.

Что касается «широкого общественного резонанса», то он также объясняется вполне прозаическими интересами определенных, как сейчас модно говорить, социальных слоев и групп. Шумные аплодисменты из-за рубежа понятны: кампания по дискредитации Сталина, которую на Западе умело перевели в кампанию по дискредитации Советской власти, ослабила и расколола международное

коммунистическое и рабочее движение, усилила ревизионистские и оппортунистические тенденции, посеяла сумятицу в умах и чувствах прогрессивно настроенных людей, короче, сыграла на руку политическим противникам социализма, которые в основном этой кампании и аплодировали.

Да и в нашей стране антикультовские обличения приветствовали те, кому был не по душе честный труд, железная дисциплина и порядок, разного рода бездельники, ловкачи, мошенники, паразитирующие за счет других, — попробуй тронь их, и сразу же начнется крик о «деспотизме», «подавлении свободы», «рецидивах сталинских репрессий»! Критика Сталина импонировала определенной, особенно склонной к бюрократничанию и отрыву от масс части работников партийно-государственного аппарата, которые, устав от напряженного ритма и строгой дисциплины труда, связывали с «новым стилем» Хрущева надежды на спокойную, облегченную жизнь. И, конечно же, хрущевская «оттепель» пришлась по душе широким кругам творческой интеллигенции, которая в силу своей общественной специфики испытывает тягу к индивидуализму, анархической распущенности, тяготеет к руководящей роли партии, маскируя свою истинную позицию «прогрессивистской» фразеологией о «свободе», «гуманизме» и «демократии».

Многие интеллигенты не могут простить социализму, что при капитализме им удалось бы устроиться поудобней. Они как бы не замечают, что отсталая в экономическом и культурном отношении страна, на которую обрушились невиданные в истории испытания, просто не могла наладить за короткий срок современный сервис и быт, вынуждена была уделять первостепенное внимание основным нуждам народа. Они не верят в величие и масштабность наших задач, дача и машина для этих людей куда важнее, чем высокие идеалы социализма, которые выстрадало не одно поколение борцов за народное счастье. Не умея работать засучив рукава, драться за свои идеи, они теряются и опускают руки перед любым проявлением несправедливости и безобразий, начинают расхваливать «абсолютную», внеклассовую свободу, доказывать необходимость более «гуманной» и «демократической» системы, за которой легко угадываются контуры «либерализованного» капитализма. Их не волнует, чем такой капитализм обернется для простых людей, основной массы трудящихся, они готовы смириться и с духовным гнетом денежного мешка — лишь бы платили побольше. Именно такие люди охотней всего запугивают себя и других ужасами так называемого «сталинизма», под которым, естественно, понимают краугольные основы социалистического строя и прежде всего руководящая роль Коммунистической партии...

Просвещенное мещанство всегда было опорой беспринципных политиков. И в прошлом, и в настоящем, и на Западе, и, как это ни печально, в социалистическом обществе.

— *Откровенно говоря, ваша «раскладка» кажется мне слишком схематичной, хотя и не лишенной известной последовательности и логики. Я не раз встречал, и в разных слоях населения, немало честных, преданных социализму людей, которые тем не менее считают Сталина преступником... И потом, если я Вас правильно понял, Хрущева подержала наиболее склонная к бюрократизованию часть партийно-государственного аппарата. Но разве не Сталин поставил аппарат над массами, дал бюрократам невиданную власть?*

— Любая попытка объяснить глубинные причины неизбежно грешит схематизмом, моя, естественно, не исключение. Но я, по крайней мере, пытаюсь объяснить, а не уйти от такого объяснения, прикрываясь сентиментально-обывательскими восторгами по поводу «смелости» и «благородства» Хрущева.

Да, немало честных и думающих людей у нас уже введено в заблуждение, сбито с толку тенденциозно подобранными, а иногда и фальсифицированными материалами. Тем более что полемизировать с официальной версией у нас не принято, да и умение думать, дискутировать на весьма низком уровне. Но это временное явление. Подлинная правда истории рано или поздно все равно всплывет, как бы ни топили ее в своекорыстных целях нечистоплотные политики и Васиссуалии Лоханкины из интеллигентских кругов.

Профессора, литератора ввести в заблуждение куда легче, чем простого рабочего, оценивающего политику по самому верному критерию — что она дает для повседневной, практической жизни рядового человека. Несмотря на официальные осуждения и разоблачения, у Сталина до сих пор немало сторонников в разных кругах и особенно в среде простых рабочих, колхозников, военнослужащих — людей старшего поколения, знавших обстановку того времени на собственном примере, а не по газетным передовицам. Ни у Хрущева, ни у нынешних руководителей такой глубокой и благодарной памяти в народе не останется, да и не может остаться, хотя они всю и афишировали свою «народность».

Насчет бюрократов, невиданные привилегии которым дал Сталин, тут Вы совершенно не правы. Сталин, по сути, ничего не знал, кроме работы, и трудился с полной самоотдачей, не делая себе ни малейших поблажек и послаблений, по 14, 15, 16 часов в день. Подчиняясь заданному им ритму, в таком же напряжении

трудились члены Политбюро, наркомы, ответственные работники центральных, да и местных органов.

14–16-часовой день был для нас не исключением, а скорее правилом. В отпуск уходили раз в 5–6 лет, да и то далеко не все. Выходных практически не бывало.

Железная дисциплина, постоянный контроль, работа при максимальном напряжении сил и, главное, требование конкретных результатов, реальному улучшению дел, отсутствие чего было равносильно смещению с поста, невзирая ни на какие заслуги в прошлом, — все это приводило к такой производительности и эффективности управленческого труда, о которой в наши дни можно было бы только мечтать. Не помню, например, ни одного постановления или решения ЦК, Политбюро или Совмина, которое осталось бы невыполненным. Сейчас, говорят, напротив, среди их растущей лавины не найти такого, которое было бы выполнено хотя бы наполовину... Кстати, ссылки на трудности и «объективные обстоятельства» в наше время всерьез не принимались. «Вы для того и поставлены на руководящий пост, чтобы их преодолевать», — говорил обычно в подобных случаях Сталин.

Я нашел и перечитал книжку Лиона Фейхтвангера о посещении в 1937 году Советского Союза, о которой вы говорили. Он пишет, в частности, что лица, занимавшие сколько-нибудь ответственное положение, «почти не уделяют времени для еды, они почти не спят и не видят ничего особенного в том, чтобы вызвать по телефону из театра, во время представления, человека только для того, чтобы задать ему какой-нибудь срочный вопрос, или позвонить ему в три или четыре часа утра по телефону. Я нигде не встречал такого количества неутомимо работающих людей, как в Москве... Если в Нью-Йорке или Чикаго я не обнаружил американских темпов работы, то я обнаружил их в Москве»*. Верное наблюдение, так и было!

Между прочим, о спецпайках, дачах, буфетах и тому подобных привилегиях мы, наркомы, и не думали — не до того было. Тем более что малейшее злоупотребление в этом плане каралось беспощадно — Госконтроль и парторги ЦК работали эффективно, да и с критикой «снизу», со стороны трудящихся, считались куда больше, чем в сегодняшнее время.

В народе хорошо знали, что льготы руководителям дают для продления рабочего дня еще на 8 часов в сутки, потому и не осуж-

* *Фейхтвангер Л.* Москва. 1937. С. 26. (Так в тексте интервью. Книга Л. Фейхтвангера «Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей» вышла в СССР отдельным изданием в 1937 г. в трех московских издательствах и переиздавалась уже в 1990-е гг. — *Сост.*)

дали и не возмущались, как сейчас, когда министру действительно предоставлены многие привилегии, а результатов его руководства годами, десятилетиями не видно. Если иметь в виду, конечно, положительные результаты...

Иными словами, Сталин, образ жизни и быта которого отличал большевистский аскетизм и пуританизм, держал аппарат в ежовых рукавицах, полагая, и как показало время, не без основания, что многочисленные соблазны жизни могут снизить производительность труда руководителей, подорвать доверие к ним, а значит и к партии, простых людей, от чего в нашей стране зависит много. Хотя, с другой стороны, Сталин иногда закрывал глаза на мелкие личные слабости наркомов, особенно молодых, если они, конечно, не отражались на работе...

Конечно, такая сверхэксплуатация, драконовский режим не всем нам были по вкусу — люди есть люди, хотелось расслабиться, уделить хоть немного времени семье, личным интересам, а кое-кому и вкусить благ от почета, привилегий, высокого положения...

— *Вы хотите сказать, что Хрущев сыграл на этом?*

— Да, этот «человеческий» фактор во многом расширил и укрепил поддержку Хрущева руководителями в центре и особенно на местах — Никита Сергеевич выступал за более «мягкую» дисциплину и режим труда, слыл человеком, способным «понять» и «войти в положение», хотя в целом был довольно требовательным. Не случайно одной из первых «ласточек» нового стиля стал запрет Хрущева оставаться на работе после 8 часов вечера. При Сталине же многие наркоматы работали и по ночам, что, конечно же, изматывало людей.

С другой стороны, Молотов и Маленков считались яркими приверженцами «жесткого», сталинского стиля, решительно осуждали как «перерождение» и «разложение» морального облика коммуниста даже малейшие отступления от партийных требований, что, разумеется, популярности им в аппарате не прибавляло...

Не скрою, я отнюдь не был «сталинистом», мне больше импонировал Хрущев. К тому же я полагал, что при нем получу большую свободу рук, сумею быстрее реализовать ту программу, которую наметил. Ожидания эти, однако, не оправдались. Свобода действий министров при Хрущеве заметно сузилась, снизилась и на всех уровнях требовательность и ответственность. О работе стали думать меньше, о разных жизненных благах — больше. Думаю, именно тогда и образовалась трещина, которая впоследствии, при преемниках Хрущева, привела к отрыву аппарата от масс и, как обратная

реакция, к появлению враждебности аппарату в широких слоях населения, трудящихся, чего в 30-е, 40-е да и 50-е годы не было.

Но главное даже не в этом. Я много размышлял над тем, почему провалился «большой скачок» Хрущева в коммунизм в начале 60-х годов, почему мы топчемся на месте с середины 70-х — благо времени и возможностей на посольской работе и пенсии немало, — и вот к какому выводу пришел. С середины 50-х годов, когда требовательность к кадрам стала снижаться, жизнь, напротив, поставила задачу эту требовательность повысить, иначе решить новые, более сложные и масштабные задачи было бы невозможно. Хрущев, прошедший сталинскую школу и не забывший кое-каких ее уроков, еще как-то пытался остановить этот процесс. Его преемники, увы, поддались течению, рецидивам, говоря ленинскими словами, «сил и традиций старого общества»³. На многих партийных и государственных постах оказались некомпетентные, недостойные своих высоких постов люди, неспособные обеспечить правильное руководство делами. Да и продвижение по служебной лестнице стало оторванным от действительных заслуг. Министрами, секретарями ЦК и даже членами Политбюро становится не тот, кто сумел, к примеру, решить продовольственную проблему в своей области или вывести свои предприятия на мировой уровень, а тот, кому повезло вследствие стечения удачных обстоятельств.

Естественно, не умея по-настоящему работать, все эти люди увлекаются бумагами и реорганизациями, штампуют одно руководящее постановление за другим, произносят бесчисленные речи с призывами «работать по-новому».

— *Вернемся к более конкретным вещам. Не могли бы вы подробнее рассказать о различиях в подходе Сталина и Хрущева к проблемам сельского хозяйства?*

— Вполне отчетливо эти различия проявились уже после смерти Сталина, когда Никита Сергеевич решил ошеломить мир «новаторством» своего подхода. Конечно, и до 1953 года у Хрущева были свои излюбленные идеи, свои проекты решения тех или иных проблем. Однако в отличие от других членов Политбюро он не умел, да и не хотел отстаивать свои взгляды, тем более что предпринятые им как-то в этом плане робкие попытки подверглись самой жестокой критике со стороны Сталина, который органически не выносил, как он раздраженно отзывался, «маниловского прожектёрства»⁴. Сказывалась, видимо, и гипертрофированная боязнь Сталина, что снискало Никите Сергеевичу репутацию безропотного, послушного и недалекого исполнителя, напрочь лишенного политического честолюбия, стремления играть первую

роль... Впоследствии Хрущев весьма ловко использовал в борьбе за власть это ложное впечатление, сложившееся, однако, у многих.

Но вернусь к различиям. Прежде всего они касались частного, приусадебного хозяйства колхозников и рабочих совхозов, а также кустарно-промысловой и кооперативной деятельности. Даже после завершения коллективизации деревни индивидуальный сектор играл большую роль. В довоенные годы от 60 до 90 процентов овощей, мяса, молока, яиц, других видов сельскохозяйственной продукции, за исключением, разумеется, зерна и технических культур, давали именно личные подсобные хозяйства. Они же производили большую часть фруктов, ягод. Кстати, большую часть доходов как в предвоенные, так и в первые послевоенные годы колхозники получали не от общественного, а от своего личного хозяйства. Сталин считал такое положение объективно неизбежным на длительный период и беспощадно пресекал все попытки форсировать дальнейшую «коллективизацию» и обобществление, чему я был свидетелем неоднократно.

Хрущев же, напротив, расценивал частное приусадебное хозяйство, а также деятельность на селе всевозможных кооперативов как «пережитки прошлого и устаревшего», которые якобы «отвлекали» крестьян от коллективного труда и мешали-де выявлению огромных потенциальных «преимуществ социализма» в деревне.

Существенный пункт различий представляли и вопросы заработной платы. При Сталине она довольно активно использовалась как средство поощрения высокопроизводительного и квалифицированного труда, как важный рычаг ускорения научно-технического прогресса. В сельском хозяйстве, например, зарплата агрономов, механизаторов, шоферов, работников МТС, людей других профессий, определявших темпы перевода отрасли на современные рельсы, была значительно, а подчас и в несколько раз выше, чем у рядовых колхозников и рабочих совхозов. Довольно неплохо было налажено и стимулирование высокопроизводительного труда — передовики производства зарабатывали намного больше «средних» рабочих, а для некоторых категорий стахановцев и вообще снимался потолок заработной платы.

Подобная же картина наблюдалась и в промышленности, где инженеры и особенно конструкторы новой техники получали намного больше, чем рабочие, а также служащие непроизводственных отраслей. В начале 50-х годов, помнится, профессор университета получал до 1000 рублей, в то время как уборщица — 30 (по нынешнему курсу рубля), и все это считалось в порядке вещей.

Материальные льготы в сочетании с идейно-духовным стимулированием способствовали тому, что в ряды агрономов, механика-

торов, инженеров, конструкторов и других профессий, играющих ключевую роль в научно-техническом прогрессе, вливались наиболее способные и одаренные люди, а среди населения, особенно молодежи, развивалась тяга к получению знаний, овладению современной техникой.

Хрущеву, который всегда перебарщивал по части популистских настроений, такой подход показался «социально несправедливым» и «несоциалистическим». Под его давлением начался пересмотр тарифных ставок в направлении ликвидации «неоправданных различий» в оплате труда. Этот процесс, к сожалению, продолжался и после 1964 года. Результаты же волюнтаристского нарушения важнейших объективных законов социализма известны: уравниловка воцарилась сейчас практически во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, начался отток способных людей из отраслей, определяющих темпы научно-технического прогресса, в загоне — другого слова нет — оказался инженерно-конструкторский корпус, который по оплате труда уступает сейчас чуть ли не уборщицам. А когда материальное стимулирование поставлено с ног на голову, то и в экономике, естественно, начнутся всякие несуразности, отнюдь не способствующие ее нормальному росту.

Впрочем, я сужу с позиций сегодняшнего дня. Тогда, в середине 50-х годов, все представлялось иначе, и мне, откровенно говоря, даже импонировало стремление Хрущева устранить несправедливости в оплате труда различных категорий трудящихся.

Вообще Никита Сергеевич был непревзойденным мастером краткосрочного эффекта, ярких вспышек, которые, надо отдать ему должное, ослепляли на время не только его единомышленников, но даже и противников. Правда, эффект этот достигался за счет умаления долгосрочных, стратегических интересов, что в конечном счете оборачивалось колоссальными потерями. Но люди живут сегодняшним днем, и эту слабость Никита Сергеевич эксплуатировал весьма умело...

— *В мемуарной литературе упоминалось о разногласиях между Сталиным и Хрущевым по поводу его несуразного проекта агрогородов...*

— Я бы не назвал этот проект несуразным. В основе его лежала в общем-то рациональная идея об интеграции сельскохозяйственного и промышленного производства, выравнивании различий между городом и деревней по уровню социально-бытовой и культурной сферы. Надо сказать, что когда Хрущев выступил с этими идеями, они мне понравились. Однако затем, под влиянием весьма серьезной и хорошо аргументированной критики со стороны

крупных специалистов и ученых-аграрников, я стал относиться к теории «агрогородов» более сдержанно. Мне показали, и довольно убедительно, что достигнутый уровень развития деревни не позволит еще в течение длительного времени ставить вопрос о прямой интеграции сельскохозяйственного и промышленного производства, по крайней мере в масштабах всей страны, как это предлагал Хрущев. Явным забеганием вперед, игнорированием объективной специфики села был и тезис о необходимости сосредоточения и концентрации сельскохозяйственного населения, ликвидации «неперспективных» деревень. Впоследствии попытки искусственно форсировать процесс индустриализации деревни, как известно, нанесли сельскому хозяйству большой урон.

Хрущев же тем временем выступил в «Правде» со статьей, где изложил, и, надо сказать, довольно неплохо, концепцию «агрогородов». Сталин, обычно поощрявший партийных руководителей к теоретическим изысканиям, постановке проблемных вопросов, отнесся к статье резко отрицательно, я бы даже сказал, враждебно. Вскоре в «Правде» появилась статья, где теория «агрогородов» была подвергнута уничтожающей критике. В узком кругу Сталин отзывался о хрущевских изысканиях еще более резко, называя их «чистейшей воды прожектерством», «леваческим забеганием вперед», «мелкобуржуазной горячкой». Хорошо помню эти слова, поскольку Сталин при мне повторял их неоднократно, видимо, опасаясь, как бы я не попал под влияние хрущевской «теории».

Вообще же, высоко оценивая организаторские качества Хрущева, считая его блистательным исполнителем, Сталин был весьма низкого мнения о его политических и идейно-теоретических способностях. Более того, в отношении Сталина к Хрущеву проскальзывало даже нарочитое пренебрежение, чего он не позволял себе никогда в обращении с партийными и государственными руководителями за исключением, пожалуй, Берии. Лично у меня сложилось впечатление, что, выделяя эту «двойку» из своего окружения, Сталин как бы отмежевывался от ее «небольшевизма», словно извинялся, что в государственных делах приходится прибегать к услугам людей способных, но сомнительных по своей идейной закваске, своего рода «политических попутчиков».

Хрущев внешне довольно спокойно и ровно относился к сталинским нахлобучкам. Однако спокойствие это, конечно, было обманчивым — Никита Сергеевич был человеком крайне самолюбивым и амбициозным, хотя до поры до времени умел скрывать это.

Помню, после одного из совещаний, где Сталин, не стесняясь в выражениях, резко отчитал Хрущева за какую-то оплошность, мы вдвоем спускались к поджидавшим внизу машинам.

— Много он знает, — вдруг резко и зло сказал Хрущев. — Руководить вообще легко, а ты попробуй конкретно...

— Кто это он? — чисто механически спросил я, занятый своими мыслями — мне тоже на совещании крепко досталось, и я уже стал обдумывать, как лучше реализовать сталинские замечания.

— Да это я так, про себя, — сказал Никита Сергеевич. — Здорово нам шею намылили, надо делать выводы. — Он уже овладел собой и пытался дружелюбно улыбнуться.

Только в машине сообразил, что хрущевские слова относились к Сталину. Как говорится, в тихом омуте...

Но я отвлекся от сути нашего вопроса. История с агрогородами лишний раз подчеркивает разницу в подходах Сталина и Хрущева к проблемам сельского хозяйства.

Сталин, реалист до мозга костей, в гораздо большей степени считался с его спецификой, действовал продуманно, основательно, не спеша, с учетом долгосрочных последствий тех или иных акций. Хрущев же, напротив, стремился к быстрым и эффективным результатам, торопился, спешил, теряя реальное представление о достигнутом уровне развития, впадая в совершенно непростибельный, преступный утопизм.

— Из ваших слов складывается впечатление, что главную ответственность за нынешнее, весьма плачевное состояние сельского хозяйства несут Хрущев и те, кто отошел от сталинской линии. Но разве сама эта линия была безупречной? Разве не было переизбытка и эксцессов коллективизации, страшного голода 1933 года, «перекачки» средств из деревни в город, наконец, полуфеодалного закрепощения колхозников, не имевших даже паспортов! Да и отставание от Запада в области сельского хозяйства за сталинский период мы не преодолели. В официальных документах, трудах видных историков ответственность за это во многом возлагается на Сталина и его окружение. Или вы с этим не согласны?

— Судя по вопросу, вы не сумели правильно разобраться в соотношении объективных и субъективных факторов, свалили все в кучу. Постараюсь, насколько смогу, прояснить истинную картину.

Возлагать всю вину за отставание сельского хозяйства на Хрущева или Сталина в корне неправильно. Главное, все-таки здесь — объективные факторы, специфика исторического развития страны. О чем говорить: в начале 20-х годов в нашей деревне преобладала соха да лучина, в то время как США, Великобритания, другие европейские государства практически полностью завершили электрификацию сельского хозяйства. Из этой отсталой, сред-

невековой деревни приходилось черпать силы и средства для индустриализации страны, формирования современной армии, восстановления разрушенной войной экономики — другого пути просто не было. Этот океан отсталых частных хозяйств надо было переводить на рельсы социалистической коллективизации со всеми ее неизбежными издержками и «минусами». И все это под прессом враждебного капиталистического окружения, форсированными темпами, в исторически кратчайшие сроки — других не существовало. Убежден: затыни мы с коллективизацией или индустриализацией лет на пять-шесть — не сумела бы экономика обеспечить все необходимое для победы над фашизмом, а деревня — накормить армию и население, не говоря уже о возникновении в тылу «пятой колонны» из ненавидевших Советскую власть мелких хозяйчиков — кулаков. В том-то и дело, что «нормальной» возможности история нам не дала, приходилось и действовать «ненормальными», то есть форсированными, темпами.

Конечно, партия, правительство, лично Сталин делали многое для подъема сельского хозяйства, улучшения жизни крестьянства — подтверждаю это как человек, возглавлявший отрасль в течение почти двух десятилетий. И деревня сделала мощный рывок вперед, к современной организации производства и труда, цивилизованной культуре и быту. Но ожидать чудодейственных результатов, ликвидации отставания от Запада за эти кратчайшие сроки просто нереально. Только в начале 50-х годов у государства впервые появилась возможность направить на развитие сельского хозяйства крупные силы и средства. До этого город во многом жил за счет деревни, и другого выхода не было, разве лишь в кабинетных иллюзиях «видных историков».

Не спорю, жизнь крестьянина в то время не была сладкой — напряженный труд, высокие налоги, «жесткая» привязанность к месту проживания. Как, впрочем, и в городе. Не забывайте, что по жизненному уровню населения царская Россия отставала от передовых капиталистических стран лет на сто, а может быть и еще больше.

Но и сгущать красок не следует. По сравнению с дооктябрьским периодом производственные, культурно-бытовые условия подавляющего большинства сельского населения резко изменились в лучшую сторону. В своей основной массе и колхозники, и рабочие совхозов были довольны жизнью и смотрели на будущее куда более оптимистически, чем сейчас, в условиях немыслимого для той поры материального достатка. Говорю это потому, что не раз доводилось слышать стенания о бедственном положении деревни в 30-е и 40-е годы. Послушать иного литератора, так политика

партии в тот период представляла собой чуть ли не сплошной террор, репрессии и насилие по отношению к крестьянству. Чепуха! На голом насилии — а жители деревни в 30-х годах составляли большинство населения — ни один политический строй долго бы не продержался! Да и не было бы разгрома самой мощной в мире фашистской военной машины, массового героизма на фронте и в тылу, наконец, выхода нашей страны в число двух сверхдержав, если бы все держалось, как кое-кто всерьез пытается уверить, на страхе перед НКВД!

— *Вы коснулись объективных факторов, не сказав ни слова о субъективных...*

— Что же, перехожу к ним. Вы, конечно же, ожидаете от меня сравнительной оценки действий Сталина и Хрущева, точнее, допущенных ими ошибок, замедливших развитие сельского хозяйства.

Да, просчетов, неизбежных, впрочем, в любом новом деле, и Сталин, и Хрущев совершили немало. Но ошибки ошибкам рознь. Сталин допускал просчеты в мелких, второстепенных вопросах, не делая их в крупных, стратегических. Хрущев, наоборот, лучше разбирался в деталях и частностях, крупномасштабные, общегосударственные решения продумывал плохо, наспех, что имело в ряде случаев просто катастрофические результаты. Вот вы сослались на голод 1933 года⁵. Он был вызван прежде всего страшной засухой, последствия которой усугубили издержки и осложнения завершившейся к тому времени коллективизации деревни, неизбежные в любых крупных социальных преобразованиях. Оба этих фактора носили объективный характер, и свести их на нет, пускай даже сверхсильной волей вождя, было невозможно. Ошибка Сталина состояла в том, если, конечно, она имела место, что он слишком передоверился тогдашнему наркому земледелия Яковлеву (Эпштейну), который не принял необходимых мер для борьбы со стихийным бедствием и фактически покрывал вредительские действия троцкистов и других «леваков», окопавшихся в центральных, и местных органах власти. Работая в то время в Московском тресте овощеводческих совхозов, я получал из центра, мягко говоря, странные распоряжения, выполнение которых могло привести к дезорганизации производства. Яковлева, кстати, за преступный саботаж вместе с его сообщниками расстреляли⁶. Но в любом случае действия его группы решающего значения не имели, хотя и обостряли ситуацию, которая, повторяю, была вызвана в основном объективными факторами.

А вот Хрущев, став у государственного руля, допустил уже стратегические по своему характеру и последствиям просчеты. В середи-

не 50-х годов, когда у нас, по сути, впервые появилась возможность направить в сельское хозяйство крупные силы и средства, он сделал ставку на массивированное освоение целинных земель, что, конечно, давало очевидный и быстрый эффект, но в долгосрочном плане оказалось явно ошибочным решением⁷. И дело не только в том, что освоение целины шло за счет регионов, которым надо было, напротив, уделить повышенное внимание, — Украины и Нечерноземной зоны России. Куда более пагубным оказался «стратегический разворот» сельского хозяйства в сторону экстенсивных факторов роста, в то время как в повестке дня стоял переход к интенсификации сельского хозяйства. Кстати, во всех странах такой переход сопровождался сокращением посевных площадей. Иными словами, надо было идти «вглубь», а мы, погнавшись за сиюминутными успехами, пошли «вширь», по заведомо ложному пути, потеряв на этом, без преувеличения, несколько сельскохозяйственных пятилеток.

Крайне негативные последствия имело и фронтальное наступление Хрущева на личные приусадебные хозяйства и особенно сокращение скота, находившегося в личной собственности колхозников и рабочих совхозов. А ведь гибкое сочетание личного с общественным в сталинский период позволяло решать многие проблемы. Поговорите с людьми старшего поколения, и они скажут вам, что по разнообразию и ассортименту продовольственной продукции наши магазины в начале 50-х годов были на два порядка выше, чем сейчас, в начале 80-х.

И конечно же, повсеместное распространение уравниловки, гигантомания, обернувшаяся ликвидацией «неперспективных» деревень, наносили дополнительные, весьма чувствительные удары по сельскому хозяйству.

Сменившие Хрущева лидеры его ошибок не только не исправили, а, напротив, усугубили. Если Никита Сергеевич, будучи сильным организатором, энергичным и предприимчивым человеком, как-то «встряхивал» и настраивал на деловой лад руководящие кадры, его преемники предпочли бесконечные увещевания. Все это в конечном счете и привело к тому, что, несмотря на огромные затраты, сельское хозяйство и пришло к нынешнему, как вы справедливо заметили, «весьма плачевному состоянию».

— Не впали ли Вы, Иван Александрович, в противоречие? Вы утверждали, что Сталин хорошо разбирался в людях, знал их истинную цену... Как же хорошо, если ошибся в Хрущеве, Берии, Вышинском, в других входивших в его окружение людях?

— Не думаю, что это было ошибкой. Сталин, как и Ленин, умел использовать людей, политический облик которых считал

сомнительным, небольшеви́стским. Не одни ведь 100-процентные марксисты-ленинцы обладают монополией на умение работать, высокие деловые качества... И Вышинский, и Мехлис, и Берия имели меньшеви́стское прошлое, «темные пятна» в своей биографии. Но их профессиональные «плюсы» явно перевешивали, тем более что к формированию политической стратегии этих деятелей не допускали. Позволил же Ленин занять высокие посты Троцкому, Зиновьеву, Каменеву, Бухарину, которых не считал настоящими большевиками и подлинно марксистскими теоретиками.

У нас всегда крайности. Если хвалим, до небес, если ругаем, обязательно надо в порошок стереть... Либо дьявол, либо ангел, а что посередине, то этого как бы не бывает, хотя в жизни, напротив, бывает, и очень часто.

Возьмите, например, Берию. Его преподносят как скопище всех мыслимых и немыслимых пороков. Да, пороки у него имелись, человек был непорядочный, нечистоплотный — как и другим наркомам, мне от него немало натерпеться пришлось. Но при всех своих бесспорных изъянах Берия обладал сильной волей, качествами организатора, умением быстро схватывать суть вопроса и быстро ориентироваться в сложной обстановке, определяя ее главные и второстепенные моменты.

Ведь это факт, что под руководством Берии было осуществлено, и в кратчайшие сроки, создание атомного оружия⁸, а в годы войны с рекордной быстротой сооружались объекты оборонного значения.

Но Берия умел небольшой ошибке придать видимость сознательного умысла, даже «политических» намерений. Думаю, Берию, как и Мехлиса, Сталин использовал как своего рода «дубинку страха», с чьей помощью из руководителей всех рангов выбивалось разгильдяйство, ротозейство, беспечность и другие наши болячки, которые Ленин весьма точно окрестил «русской обломовщиной»⁹. И, надо сказать, подобный, не очень привлекательный метод срабатывал эффективно.

Конечно, были случаи, когда бериевская дубинка опускалась и на головы честных людей.

Как бы там ни было, Берия, снятый Сталиным с поста министра госбезопасности в 1952 году, после его смерти снова резко пошел вверх: он стал первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, возглавил Министерство внутренней безопасности, куда вошло и Министерство внутренних дел¹⁰. Иными словами, добился такой власти, о которой при Сталине и мечтать не смел. Что касается Хрущева, то Сталин, несомненно, лучше других видел его «небольшевизм», ограниченность умственного и культурного кругозора, карьеристские амбиции. Но, считая прекрасным ис-

полнителем, предпочитал использовать на высоких партийных постах. И правильно делал: работая под строгим руководством, Хрущев приносил немалую пользу. Другое дело, что на решающий в нашей стране пост он ни по каким параметрам не тянул, хотя и очень хотел быть Первым. В этом-то и вся трагедия...

— *Можно согласиться, что Хрущев уступал Сталину во многом. Но он ведь не сажал честных людей в тюрьмы, не проливал их крови. Народ никогда не простит...*

— Вы уверены в том, что обоснованно сделали себя глашатаем народа? Народ-то у нас разный. Для профессора и литератора Сталин, конечно, «деспот» и «диктатор», для передовых рабочих, многих простых людей, живших в то время, — великий и мудрый человек, заботившийся о благе народа и заставлявший делать то же самое «начальство», которое сейчас «заелось», обюрократилось и оторвалось от широких масс. Наивно? Может быть... Но когда я сопоставляю эти полярные оценки, то вспоминаю глубокие слова К. Маркса о том, что интеллигенту следует куда больше учиться у рабочего, чем рабочему у интеллигента...¹¹

— *Простите, но какое это имеет отношение к заданному мной вопросу?*

— Самое прямое. Поговорите с простыми, честными работягами из народа, и они вам скажут: «Пора наводить порядок, ужесточать до предела расхлябанную партийную и государственную дисциплину, не останавливаясь перед самыми крутыми мерами». Глас народа, как говорится, глас божий. По своему опыту могу твердо сказать: без постоянной чистки партийного, государственного аппарата от всего недостойного, примазавшегося, без решительного пресечения в самом зародыше антисоциалистических тенденций и проявлений в высших эшелонах быстрое и уверенное движение вперед страны невозможно. Хотя бы потому, что такая «ассенизационная работа» оздоравливает обстановку в стране, обеспечивает приток в партию, сферу управления честной, думающей, талантливой молодежи, раскрывает огромный демократический потенциал народа. Да, именно так: он раскроется лишь в условиях железной дисциплины и порядка, решительного пресечения всех антисоциалистических явлений, иначе вся активность уйдет в гибельное русло болтливой демагогии, анархической распушенности, своекорыстной борьбы за групповые и личные интересы. Работая в Югославии, я вдоволь насмотрелся на то, другое и третье... И эта железная дисциплина и высочайшая требовательность во всем, большом и малом, должны начинаться именно с руководителей

высшего звена, в противном случае социализм ожидают крайне опасные последствия...

Сталин, как я уже говорил, быстрее и глубже других раскусил мелкобуржуазную суть хрущевских лозунгов и программ. Однако должных мер, которые бы обезопасили страну, мировой социализм от прихода к власти «небольшевистских» лидеров типа Хрущева и ему подобных, предпринять так и не сумел... В результате пришлось тяжелейшей ценой расплачиваться за их левацкое, мелкобуржуазное прожектерство.

Или возьмите еще один пример — я имею в виду Георгия Константиновича Жукова, талантливейшего военачальника, бесспорно, лучшего полководца второй мировой войны. При всех своих незаурядных личных качествах он обладал и очевидными недостатками, о которых откровенно и правдиво написал К. Рокоссовский в своем «Солдатском долге»¹².

Если жуковские высокомерие, грубость, бесцеремонность и тому подобные солдафонские замашки еще как-то можно было терпеть, то непомерное самомнение и честолюбивые, «наполеоновские» амбиции представляли собой и политическую опасность. Когда Сталин, благоволивший Жукову, понял это, он сразу же принял необходимые меры. Специальный «офицерский суд чести»¹³ из прославленных маршалов и адмиралов подверг поведение Жукова резкой критике, Георгию Константиновичу в лицо наговорили немало резких, но справедливых слов. Учитывая, однако, большие личные заслуги и субъективную честность Жукова, суд в то же время выступил против принятия суровых мер, на которые явно рассчитывали Маленков, Берия и поддержавший их Сталин. В конечном счете Сталин не только уступил мнению военных, ограничившись понижением Жукова в должности, но незадолго до своей смерти вновь стал продвигать его к решающим постам. Это была явная ошибка. Впоследствии Жуков подтвердил обоснованность сталинских опасений, проявив совершенно недопустимое даже для такого крупного военачальника вмешательство в партийные, политические дела. Как известно, в июне 1957 года он чуть ли не в открытую угрожал так называемой «антипартийной группе», то есть большинству членов Политбюро, применением военной силы. Поддержкой Хрущева, которого Жуков впоследствии предполагал легко прибрать к рукам, маршал явно рассчитывал укрепить свое положение, и, как это часто бывает, попал в яму, вырытую им для других, — Хрущев куда меньше церемонился с потенциально опасными конкурентами, чем Маленков или Молотов.

Результаты монопольного господства Хрущева, которому по собственной недалекости и непомерным честолюбивым

амбициям помог Жуков, очевидны. Страна сошла с ленинских рельсов развития, потеряла темпы, пострадали интересы десятков, а может быть, если взять и международные аспекты, сотен миллионов людей...

А ведь всего этого можно было бы избежать, если бы Сталин проявил свойственную ему твердость и последовательность в пресечении потенциально опасных для социализма явлений. Иными словами, лишил и Хрущева, и Жукова возможности выйти на первые роли. Конечно, я не имею в виду суд и тюремное заключение — не те времена. Достаточно было отправить этих, бесспорно, выдающихся людей, на пенсию... Скажете, несправедливо, жестоко и репрессивно. Может быть, если смотреть на дело с их «личной колокольни», с позиций друзей, родных и, конечно же, некоторых наших «высоконравственных» литераторов. А вот для защиты интересов десятков миллионов, подавляющего большинства советских людей эти «репрессии» были бы и необходимыми, и справедливыми. Настоящая, ленинская политика, кстати, и начинается с защиты таких интересов, с умения ставить общее и целое выше частного и группового.

Помните историю с «рабочей оппозицией»¹⁴ в 1921 году? В ее рядах было немало честнейших и преданнейших идеалам революции людей, занявших, однако, потенциально опасные для социализма позиции. В. И. Ленин самым решительным образом настаивал на исключении их из партии. А когда это не удалось — не хватило всего нескольких голосов — добился отстранения членов оппозиции от решающих постов, послал их в провинцию или на дипломатическую работу, как Александру Михайловну Коллонтай...

Пожалуй, главным просчетом Сталина и было то, что он не сумел, а может быть, не успел подготовить себе достойную смену. Не успел потому, что меры определенные в этом отношении предпринимал: на XIX партийном съезде был сильно расширен Президиум Центрального Комитета, на пост Предсовмина выдвинут П. К. Пономаренко, проводился своего рода «эксперимент» с «молодыми дублерами» министров... Но, увы, в конечном счете все пошло по-другому.

